М. ЛОЗИНСКИЙ

ГОРНЫЙ КЛЮЧ

СТИХИ

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ

«МЫСЛЬ»
ПЕТРОГРАД
1922

„МЫСЛЬ"

Р. В. Ц. Петроград. Печ. 2500 экз. зак. 472.

35-ая Государственная типография. Петроград, Измайловский пр., № 29.

М. ЛОЗИНСКИЙ

ГОРНЫЙ КЛЮЧ

СТИХИ

второе издание

«МЫСЛЬ»
Петроград
1922

[illegible] и [illegible]
не [illegible] на [illegible]
[illegible] и [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible]

16.XI.30. [illegible]

I

ПЕСНЬ О КОРАБЛЯХ

В глубине залива
Стали корабли,
Там, где в тихом устье
Заросли и тени
Вольным плен сплели,
Стали в дальних водах
Утренней земли.

Это было рано,
В давние года.
Тот же ясный берег,
Тот же свет и утро,
Ясная вода.
Только не вернется
Больше никогда.

В мерном отдаленье
Слышен океан.
Но навеки дремлют
Корабли немые
В устье сонных стран.
Оплела их мачты
Тишина лиан.

Им не встретить больше
Счастья белых пен,
Не услышать больше
С островов туманных
Пения сирен.
Ветви и лианы,
Молчаливый плен...

Чья—в годах далеких—
Здесь судьба пройдет?
Кто, пришлец, откроет
В зарослях зеленых
Позабытый флот?
И какая дума
В сердце запоет?

1907.

КРУГ

Они идут передо мной,
Проходят кругом беспрерывным,
Кольцеобразною струной
С ее возвратом заунывным.

Певучий плен. Певучий круг.
Туманен путь к кострам призывным.
Я схвачен словно милых рук
Кольцом томительным и дивным.

1907.

ЦАРЕВНА-СИРИН

Алый свет златолиственной чащи...
В алом сумраке, милая,—ты...
Как забыть дорогие черты?
Что желанного голоса слаще?

Нсе прошло, поросло без возврата.
Во узнал я твой девичий лик.
Этот рот в поцелуе когда то
К моему неудержно приник.

Ты давно ли, скажи, обернулась
Белокрылой царевной лесов,
В хрусталях и в печалях замкнулась
От веселых людских голосов?

— «Золотая, нетленная радость
«Навсегда упоила мой взор,—
«Бесконечный и нежный ковер
«Навевающий вечную сладость.

«Только крылья не знают предела,
«Бирюзой только птицы скользят.
«Все забудь,—и возьмут твое тело
«Тихоустые ветры услад.

«Надо мною в опаловых сводах
«Без конца переливы цветов.
«Ожерелья жемчужных годов
«Потонули в немеркнущих водах.»

1906.

УТРО

Я преступаю злые грани,
Я в наготу вступаю дня,
Огонь и сумрак волхвований
В блаженной памяти храня,—
И тонет день в глухом тумане,
Еще об'емлющем меня.

Но как мне этот плен отрадный
Как радость вещую продлить?
О, как от ветра свет лампадный
До новой жертвы схоронить?
Моей туманной Ариадны
Порвется тающая нить...

Я знаю—властны злые силы,
И мне святыни не сберечь.
Опять развеет свет немилый
Ночей пророческую речь,
И знаю—долог день бескрылый,
И знаю—пепла не возжечь!

1907.

ЗЕЛЕНЫЙ МИР

Плыви, плыви, зеленый мир,
Качая свет в смарагдах влаги,
Качая призрачный надир
В своем зеркальном саркофаге.

Зеленый мир, любимый брат,
Всегда обманчивый и зыбкий,
Я разгадал, о чем молчат
Твои змеиные улыбки.

Из глубины волшебных вод
Воззвав немые отраженья,
Ты от лазоревых высот
Замкнулся в блещущие звенья

И, претворив святую ложь
В свои смарагдовые волны,
Ты в красоте плывешь, плывешь,
Неверный, мудрый и безмолвный!

1907.

Ты снова вернулась,
Старинная нега,
В неслышном полете
Забытого счастья,

И в тихой дремоте,
В кружениях снега,
Ты зовом бесстрастья
Душе улыбнулась.

И снова—певучесть
Крылатых метелей,
И в сердце—отрава
Влюбленностей дольных,

И тайная жгучесть
Безвестных веселий,
И белая лава
Забвений безвольных.

В расшитой лучами
Жемчужной пустыне,
Как прежде, червонны
Мгновенные всходы.

И вечер. И своды
Хвои убеленной.
И дальней святыни
Чеканное пламя...

1909.

ПУТНИК

Иду землей, не зная цели,
Куда мечта ни поведет,
И вдоль дорог мои недели
Плетут свой пестрый хоровод.

Я с ветром—ветер, зверь—со зверем,
Мне стелет солнце свой ковер,
Мне свой былинный строит терем
Высокой ночи кругозор.

А в широте полей уснувших,
В предсмертно-пышных вечерах—
Как знойна память о мелькнувших,
О неисчерпанных пирах!

В плывущих струях, в вечной смене
Я гордость сердца расточил,
Чтоб быть лишь отзвуком мгновений,
Лишь эхом бестелесных сил

И, все прозрачней, все чудесней
Их отдаваясь волшебству,
Вдруг услыхать, как в дальней песне,
Что это—я, что я—живу!

1908.

БЕЛАЯ НОЧЬ

Горят отдаленные шпили
Вечерних и светлых соборов,
И медля, и рея в сияньях,
Нисходит к зеркальным каналам
Незримая в воздухе ночь.

Печаль о земле озарили
Моря просветленных просторов,
И нам, в наших смутных блужданьях,
Так радостно—сердцем усталым,
Усталой мечтой изнемочь...

Безумная ночь опустилась
Над пепельно-нежной Невою,
И крылья торжественных ростров,
И легкие мачты—как тени,
Как сны, отраженные в снах.

И все, что прошло, только снилось,
Мы снова, как дети, с тобою,
Мы—светлый, затерянный остров
В спокойных морях сновидений,
Мы—остров на светлых волнах.

1908.

ГОЛОС

В смутный час вечерен
Вспомни голос мой.
Если ты мне верен,
Я всегда с тобой.

Нужно жаждать жажды,
Нужно вдаль итти.
Я дышу однажды
На твоем пути.

Скуден свет унылый,
Труден подвиг дня.
Позови, мой милый,
Позови меня.

1909.

ЗАПОВЕДЬ

Милый, милый, будь собою,
Будь, как царь в суровой башне,
Не желай иных вселенных,
Их волшебней твой же сон.

В нем, высоко над землею,
Белый ветер, свет всегдашний
В брызгах радостно-мгновенных
Стройной радугой зажжен.

Полюби лучей незримых
Золотую озаренность,—
Мир желанный, мир широкий
Оживет в твоих мечтах.

Как нежна в ушедших зимах
Небывавшая влюбленность,
Как зовет огонь далекий
В вечереющих снегах...

Только вверься жажде страстной,
Горькой жажде отреченья,—
Станет время сновиденьем,
Синевой далеких гор,

И безмолвье жизни ясной
Вознесет свои виденья
Непорочным отраженьем
Над зеркальностью озер.

1908.

ИЗ ЛЕГКОЙ ЧАШИ

Твоих дыханий нежно бремя,
Безгневен пламень ясных глаз,
О, наше ласковое время,
Зеленый свет, безлюдный час!

У наших синих побережий
Твоя почиет тишина.
Твои шаги—как ветер свежий,
Как в море легкая волна.

Ты—наш, рассвет! Из легкой чаши
Мы пьем до дна твой легкий хмель!
Пусть проклинают дети наши
Свою скупую колыбель.

Пусть проклинают полдень, полный
Недвижной мглы и темных ран.
Мы были свет, мы были волны,
Мы были утренний туман!

1911.

НЕРУКОТВОРНЫЙ ГРАД

В. К. Шилейко

Из чаши золотой я лью кристалл времен,
И струи плещутся изменчивым алмазом.
О, как таинственно, как молча опьянен
Возникновеньем солнц мой ослепленный разум!

И в нитях этих солнц, как льдистые венцы
Над зыбью радостной мерцающего зноя,
Сверкают радуги, и крылья, и дворцы
В неиз'яснимый град слагаемого строя,
В нерукотворный рай сплетаемой парчи,
И всходят лестницы, сквозь облака сияний,
К святилищам святынь, которым нет названий.
И всходят лестницы, и стелются лучи...

Недостижимый рай! О рай, подвластный мне!
Как Феникс, я живу в твоем живом огне,
Где все грядущее, что глухо так и страстно
Бросало тень свою по мертвым дням моим,
Царит мучительно-прекрасно
Под небом трижды золотым!

И я веду свободный пир,
И я—как вождь на яркой тризне,
Где каждый возглас—новый мир,
Где каждый миг—начало жизни.

И алчно недвижим мой ненасытный взгляд,
А глыбы золота, безмолвствуя, горят,
И льется Нил судьбы, магический и близкий,
Сапфирной свежестью, за кружевом аркад...

О, дни мои! О, пламенные диски!

1909.

ЛИЛИИ МОРЕЙ

Есть черный час, есть вестник строгий.
Он—высший сердцу судия.
Его святыни не тревожит,
К нему возвыситься не может
Ни человека взгляд убогий,
Ни дума дневная моя.

Он подойдет. Померкнет слово,
Погаснут радость и труды.
Его опять, в тиши наставшей,
Пойму душою ожидавшей.
Он позовет меня, ночного,
В свои пустынные сады.

Старинной тайною влекомый,
Остановлюсь во тьме дерев,
Во тьме столпов, в ночном соборе,—
И будет снова лунно море,
И будет снова звон знакомый,
Хрустально-дымный перепев

В замершей тверди—меч небесный,
И с лона водных алтарей
Хвалою стройной и туманной
Встает и дышит сад желанный,
Жемчужных чаш расцвет чудесный,
Святые лилии морей.

Над сном времен, в холодном счастье,
Как встарь, мечта, постигнешь ты
И лунный меч, и лилий море,—
И все в одном потонет взоре,
И все исчезнет в лунной власти
Тебя убившей красоты!

1910.

Над рекой шальной и пьяной
Ты скользишь стезей воздушной,
Молчаливый сын тумана,
Своему лучу послушный.

И сквозь счастья остров резкий
Ты уходишь к странам синим,
Где безрадостные блески
Стелют песни по пустыням.

Под лазурным, вечным сводом
Ты стоишь, сомкнувши вежды,
Миг за мигом, год за годом,
Без желаний, без надежды.

Ты не взглянешь, гений сонный,
Утолен своим страданьем,
Дух всесильный, дух, плененный
Сладострастным умираньем.

1909.

МЫСЛЬ

Воззвал ли Бог миров кочующих узоры
Иль призрак Имени сплетеньем их творим,—
То свиток, манием развернутый моим.
Мой возглас разбудил дремавшие просторы.

И этот день кругом мои пролили взоры,
И, ярко сплавивши грядущее с былым,
Я—и костер, и свет, и уходящий дым,
И в вечности моей планет несутся хоры.

Я видел этот мир. Он был лишь отблеск мой.
В моей груди звучал твой голос золотой,
Твой, солнце, колокол, в торжественности синей.

Я только миг дышал. Но только он—живой.
Я мыслил, человек, в сияющей пустыне,
И—следом огненным—я не прейду отныне.

1909.

ХРУПКИЙ СОН

Хрупкий призрак хрупких дней,
Ты меня зовешь к безволью,
Ты зовешь мириться с болью,
Быть, как тень среди теней.

Ты царишь непрочным чудом,
Тени в сердце отразив,
Отраженьем тонких ив
Над зеркальным в полдень прудом.

Вся земная боль мила
Нежным гибели сознаньем,
Голубым очарованьем
Звонко-ломкого стекла.

Я люблю устало длить
Переходы были сонной,
Этот полдень многозвонный,
Лунно-рвущуюся нить

Чтоб мерцали в тусклом свете
Все дары былых времен,
Что вошли в мой хрупкий сон
Хрупкой лестницей столетий.

1910.

ПОЛНОЧЬ

В пышном бархате ночей,
В этом море мощных роков,
Много темных есть речей,
Много гибельных потоков.

Мимо ледяных зеркал
—Ночь прильнула к ним вампиром—
Подойди, сквозь сумрак зал,
К окнам, грезящим над миром.

Орион под'емлет щит
В царствах мертвенно-безбрежных.
Обессилен, город спит
Лабиринтом улиц снежных.

Твой ли голос, тишина,
Мыслью бледною нарушу
Черным пламенем вина
Затопляющая душу!

1910.

Я словно в вечном пламени,
Меняющемся, красочном,
Свет безответных знамений,
Затерянный маяк.

Лучей уравновешенных
Туманящие заросли,
И в них, в прорывах бешеных,
Бездонно-черный мрак.

И снова—возрастающий
Костер очарования,
Изменчиво сгарающий
Таинственным огнем.

Иль это вьюга снежная
Поет последним холодом,
Чтоб убаюкать, нежная,
Своим алмазным сном?

1909

СОБЛАЗНЕННЫЙ

Помню солнце, блеск над прудом,
Струи легкие фонтана.
Сердце было нежно пьяно
    Забвенным чудом.

В серебристо-черном парке
Стлались тени неживые.
Мне в тот день блеснул впервые
    Твой взор неяркий.

Только ты, Единый Сильный,—
Вождь гордыни соблазненной.
Дивен путь уединенный
    От жизни пыльной.

От плененных нежным светом
Мы уходим гулким адом.
Дразнят скалы желтым ядом,
Немым приветом.

Глубже, круче путь волнистый,
А над нами, над пустыней
Все уходит воздух синий,
Безумно чистый.

1909

В ОТВЕРЖЕННЫХ САДАХ

Алмазный помысел, венец жестоких дней,
Пустынно вознося сквозь мглу очарований,
Я прохожу один обителью теней,
В садах отверженных, в садах воспоминаний.

Здесь сердце я несу дорогою безлюдной,
А синий, синий зной томит миры цветов.
Проходят облака толпою многочудной,
Проходят веянья незримых голосов.

Укоров нежащих исполненные речи,
Которые струит дневная тишина,
Мучительно-святые имена,
Звучавшие давно, далече...

И все пьяней сады, все глуше бархат сонный,
И я теряюсь в нем, сам у себя в плену,
Я—соблазненный дух, в свои глаза влюбленный,
Я жадным отзвуком в своей дали тону

Или я сам себя теряю
И, смутный, расплесну пустынной жертвы дар,
И брошусь в этот зной, в беспламенный пожар,
К вам, голоса мои, к мучительному раю!

1910.

КАМЕНЬЯ

Н. Гумилеву

Земли лучей, не мучимой ветрами,
Счастливый гость, тебе легко итти
Ее лугов широкими коврами,
Где возросли на медленном пути,
Как лилии, не знающие тленья,
Прозрачные и ясные каменья.

Ты их берешь с уступчивых стеблей,
И пальцам нежны влажные кристаллы.
Они струят то свежий вздох полей,
То луч луны, то бархат крови алый,
Они зовут ненасытимый взгляд
К безмолвию волнующих услад.

Когда ты вступишь в море тьмы бездонной,
Их тайный луч тебя увеселит.
Ты будешь жить их жизнью потаенной,
Их малый мир желанья покорит
Еще нежней, еще пьяней и глуше,
Чем женские мерцающие души.

Настанут дни: кудесник и певец,
Ты будешь царь среди племен беспечных.
Ты замутишь певучий ключ сердец
Обетом далей, пламенных и вечных,
Своих волшебств раздаривая ложь.
И от людей, как Божий гость, уйдешь.

В конце путей, где все светло и немо,
Тебе в глаза плеснет беззвучный вал
Высоких башен белого Эдема,
Венец земли, венец последних скал.
Но отстранит многоочитый воин
Того, чей взор устал и недостоин.

Ты не любил, тебе не снился свет,
Единый свет, там, в самом сердце Рая,
Ты созидал многообразный бред,
Эдемский луч дробя и искажая, —
И ты замрешь у непорочных врат,
Как блудный сын, забывший путь назад.

1913.

II

СМЕРТЬ

На белых крыльях всходит зной.
Каленый шар гремит в зените.
С изнемогающей душой
Сплелись светящиеся нити

Заглушена, изъязвлена
Сетями зыбкими пустыни,
В последний час глядит она
В сапфир небес бездонно-синий.

Но медлит огненный паук,
Тая, как яд, ее кончину,
И, с высоты, все новых мук
Прядет тугую паутину...

1907.

СВЕТАЕТ

Ночь опять так рано, рано
Совлекла свой дымный полог,
И опять мне смерти нет!
И опять, как мгла тумана,
Утомителен и долог,
Пробуждается рассвет.

Весь в пыли и весь в волокнах,
Словно муть воды стоячей,
Свой он холод в сердце льет,
Словно в тусклых, ранних окнах
Соглядатай встал незрячий,
Наклоняется и ждет.

Из его пустого взгляда
Ужас жизни, ужас мысли
Тихо светит на меня.
И болезненной громадой
Глыбы серые нависли
Нарастающего дня...

Горе, горе пережившим
Золотой пожар заката,
Краткий, пламенный призыв,
В бледный час глаза раскрывшим—
Увидать, что нет возврата,
Нет возврата тем, кто жив!

1907.

Бесконечною тоскливостью
Льются дни и ночи.

Быль земли давно рассказана
Речью однозвучной.

Торопливой теплясь живостью,
Смотрят в вечность очи.

Мне моя душа навязана,
Как недуг докучный.

1909.

РАЙ

О, серебро небес, о, свет вечерних окон,
Неумолимый звон над умираньем дней!
Как снова ясен рай, призывный рай огней,
И как он холоден, как призрачно далек он!

Отверженный мой дух еще горит и ждет,
Но вера прежняя все глуше, все минутней.
А он, насмешливый, холодный рай высот,
Все об одном звенит серебряною лютней!

1908.

ВЕЧЕР НА ЗЕМЛЕ

Бессмертный зверь, низинных дней вожатый,
С лазурных гор убрел в свою берлогу.
В земных полях смолкает гам лохматый,
Смиряет мрак убогую тревогу.

И снова чист свежеющий эфир,
И в горнем море, пышно-голубом,
Мечта ночей, плывет соседний мир
Серебряным и мертвым кораблем.

И, плавя все в неодолимом свете,
Он песнь пространств, недостижимый, льет нам,
А мы, столпясь, земли звериной дети,
Глядим и тонем в белом сне бесплотном.

1907.

В ВЕЧНОМ ХРАМЕ

Мы бродим в древнем храме смерти.
Высок и строен синий свод.
Сердца, о верные, доверьте
Безмолвью горестных высот!

Идите тихо. Эти плиты
Древнее памяти времен.
На них почил, очам открытый,
Неомрачимый небосклон.

Недолгий миг, пока мы дышим,
Мы видим синие края,
Мы обреченным сердцем слышим
Высокий хор небытия.

Нам не уйти из храма смерти,
А синей славе нет конца.
Со мной, о верные, доверьте
Безмолвью вечному сердца!

1907.

ОСЛЕПШИЙ

Я шел по сумрачным тропам
Забытых жизнью плоскогорий,
Я шел по сумрачным тропам,—
И, с черных круч, моим глазам
Открылось огненное море!

Оно расплавленной рекой
Текло в пылающую вечность,
Оно расплавленной рекой
Текло, как солнце, подо мной
И изливалось в бесконечность.

Один, с твердыни мертвых скал,
Я видел ход бездонной лавы,
Один, с твердыни мертвых скал,
Я гимнам яростным внимал
Освобожденной, древней славы.

И в гибель, схваченный огнем
Из края в край сверкавшей силы,
И в гибель, схваченный огнем,
Мой дух, безумным кораблем,
Срываясь, несся, огнекрылый.

. . . .

Забытый мир моей земли,
В тебе покой, в тебе забвенье!
Забытый мир моей земли,
Ты ослепленному пошли
Свое великое целенье!

К тебе, зеленый храм листвы,
Влекусь душою опаленной,
К тебе, зеленый храм листвы,
И влажных струй, и синевы,
И тишины, в нее влюбленной.

Быть может, там, в цветенье лет,
Очнусь к потерянной отчизне
Быть может, там, в цветенье лет,
Прольет и мне свой старый свет
Земное солнце, солнце жизни!

1908.

От неба, темного грозой,
Опять, опять, опять
Ко мне идет глухой волной
И смерть, и благодать.

Земля исчахла. Поздний час.
Растленны все стези.
Небесный гнев, взгляни на нас,
Господень меч, рази!

Лучи последние обрушь
На этот призрак дня
И в беспощадной жатве душ
Испепели меня!

1909.

ЛУННЫЙ ДЫМ

Луна над дымными морями
Взнесла высоко факел свой,—
И время стало тишиной
И умирает над волнами.

Моя душа—седой покров
Испепеленного былого,
Лишь призрак дыма ледяного
У непонятных берегов.

Она исчезнет, ветхим дымом,
И привиденья серых трав
Все будут влечься, жить устав,
К лучам луны неумолимым.

1909.

ЖЕРТВЕННИК

От радостных широт, как призрак многокрылый,
Открывшихся глазам в неповторимый миг,
Мой сон меня низвел в мучительный тайник
В какой то темный храм, подземный и унылый.

И я медлительно и сладостно постиг,
Что собственной душой охвачен, как могилой,
Что это—жертвенник моей мечты немилой,
Который сам в себе, безумный, я воздвиг.

И долго я смотрел, как в углубленье темном,
Безмолвнее, чем мысль, и строже, чем любовь,
Багровым пламенем моя сгорала кровь.

И был глубокий час в святилище огромном,
Где мой бессильный дух в молчанье опочил,
Обвеян взмахами неторопливых крыл.

1909.

ЭДЕМ

Ты навис надо мной, неотступен и нем,
Как усталая мысль палачей,
Легкий пламень садов, загражденный эдем,
Наклоненный к озерам очей.

Ты глядишься в страданье их светлых зеркал,
Подневольной мечты властелин,
Ты под юной листвой не для них разметал
Золотой изумруд луговин.

Там воздушные струны поют, говорят,
Словно демонов царственный сон,
Словно девушки в ясные воды глядят,
В беззащитный, прозрачный затон.

В несмежаемой боли светло онемев,
Обречен повторительным снам,
Так уходит мой дух, через зелень дерев,
К нескончаемо-синим морям!

1910.

САЛОМЕЕ

Эти очи, любимые мраком,
Зеркала неживой пустоты,
Озари пламенеющим маком,
Смуглым углем твоей красоты!

Я принес к твоему изголовью,
Опустил возле милой руки
Темный кубок, наполненный кровью,
Неколеблемой влагой тоски.

Расплеснут его знойные руки
И сплетутся, как пена волны,
Как густые, пахучие звуки,
При огнях, полуночной зурны.

О, пляши для меня, Саломея,
О, пляши для меня,—я устал,—
Все редеющим облаком вея
Сумасшедших твоих покрывал!

И когда, несказанно бледнея,
Ты замрешь, как те солнца в пруду,
Красота, моя дочь, Саломея,
Я к коленям твоим припаду.

Предрассветной трубы не услышит,
Кто безмолвье забвенья вкусил.
Будет сумрак, что ввек не колышет
Нескончаемо-бархатных крыл.

1909.

Ты надо мной склонился, Властный,
И, словно волны, отошло
Все, что безрадостно и страстно
Мне в душу смертную вросло.

Ты надо мной склонился, Мудрый,
И стало прошлое светло,
Как в сердце ведьмы светлокудрой
Давно содеянное зло.

Ты улыбнулся, Бестелесный,
И в чистых высях рассвело
Виденье смерти, свет небесный,
Пустынно-белое стекло.

1909.

У ПОТОКА

Все забыл, и ничего не надо.
Распростился навсегда с простором
Подарилась поздняя отрада
Все на свете разлюбившим взорам.

Все былое глубина уводит
В тихой смене, в неге переливной.
В темной влаге что за пламень ходит,
Что за свет, невиданный и дивный!

Медлит, манит, тихий и далекий,
Повторяет вкрадчивые песни:
Утони в томительном потоке,
Наклонись, обрадуйся, исчезни!

1913.

III

ВОЗДУШНЫЙ ГОРОД

В. Н. Юреневу

Тот обречен, кто этот воздух пил
И был избранник участи чудесной,
Кого в пути твой луч остановил,
Высокий город в синеве небесной.

Я помню дни. Глухой, подводный звон
О чем то мне напоминал до боли.
Но мне казалось—это только сон,
Сон искуситель, знойный гость неволи.

Когда же полдень, черно-золотой,
Бросал парчу на древние темницы,
Как ярко мне мелькали над толпой
В изломах света вещие зарницы!

Ты мне являл, в тенях и в солнце стен,
Твоим огнем пылающие руны,—
Чтоб твой обет был вновь запечатлен,
Чтоб говорили праведные струны.

Но дни росли,—и чуткий дух немел,
Тягчили взор налеты трудной плесни.
Я забывал, о чем так мудро пел,
И не жалел о позабытой песни.

Я уходил равнинами слепот,
В седую даль, не зная и не веря,
И новых дней тускнеющий восход
Встречал уныло тусклым сердцем зверя.

И в мертвый час, как трубный клич к войне,
Мне грянул в сердце блеск безмерной славы:
Моим глазам открылись в вышине
Твои зубцы, и площади, и главы!

Над дебрями полынных зеленей,
Высоко над звериною планетой,
В полях лазури, в глуби синих дней,
Твой стройный облик, далями одетый!

Мой путь да будет нелюдим и прям
К твоим холмам, в пустынные чертоги,
Холодный светоч суше и морям,
Небесный кремль, венчающий дороги!

1907.

Т. Б. Лозинской

Я хочу глазами встретить
Неподвижный лик вселенной.
Нет желанней сердцу взора—
Взора белого Горгоны.

С этой ризы многоцветной
Обольстительного тленья
Я хочу сорвать бессмертье
Ослепительных камений.

Утоленный вечным светом,
Все приняв, не знав утраты,
Отягченный златом мира,
Я хочу пустынным солнцем
Отойти к озерам тьмы.

1906.

ПРЕДВАРЕНИЯ

К вечной истине вещей
Доступ есть тропой единственной.
Я нераз свершал по ней
Путь познанья, путь таинственный.

И в загадочной стране,
Там, за скалами холодными,
Я склонялся в тишине
Над колодцами безводными.

В дни, когда дано лишь ждать,
Нет иного в мире счастия,
Как незримо припадать
К чаше тайного причастия.

В дни опущенных завес
Благо тем, кто хоть мгновение
Видел будущих небес
Отдаленное свечение.

1906.

В серый вечер родясь из камней тишины,
Ты нахлынуло вдруг опьяненьем волны,
Как вино, как вино; о нежданное,
Позабытое, с детства желанное!

Так приходит в слезах, озаряя наш сон,
Золотая любовь небывавших времен,
Так, порой, в глубинах одиночества,
Прозвучит, просияет пророчество.

Древний, белый огонь,—он горит, он зовет!
Все, что было давно, все, что в славе идет,
Все, что в смутном пылании чудится,
Неожиданно-радостно сбудется!

О, далекой свободы мелькнувший обет,
В голубеющем дыме пронесшийся свет,—
В мимолетном огне озарения,
В неожиданной правде мгновения!

1907.

ВО МРАК

Пускай в снегах неволи дольной
Погибнет жертвенно она,—
От жизни ясной, жизни вольной
Моя мечта отрешена.

Надежде сумеречной верный,
Как мудро ранящему сну,
Мой жадный дух во мрак пещерный,
В глухую сходит глубину.

Как из лесов недостижимых
Забвенный запах древних смол,
Находит ропот струн томимых,
И чужд, и страшен их глагол

Еще не выпит оцт печали
Не все исторгнуты лучи.
Первоначальные скрижали—
В безмолвье, в скорби и в ночи.

И в час суда—пустынно больно:
И не понять, и не дойти.
Но к жизни ясной, к жизни вольной
Мне нет бесславного пути

1909.

МОЛЧАНИЕ

Мир торжественной ночи, гасящей огни запоздалые,
Безначальному, вечному, звездному лону времен!
Вы звучите еще, о, мои песнопенья усталые,
Но все реже, и реже, и все заглушенней ваш звон.
Мир торжественной ночи, гасящей огни запоздалые!

В изначальном безмолвии тонут пространства безбрежности.
Все—вдали, все—навек, все—единый недвижный покой.
Исчезают, как дым, и кощунственный голос мятежности,
И движенье, и жизнь, и полудня обман голубой.
В изначальном безмолвии тонут пространства безбрежности.

О, полюбим всей волей великую радость молчания!
Надо жить, надо ждать, чтобы свет безотрадный иссяк.
Рухнет черным копьем пепелящая молния знания,
И сухие глаза захлеснет ослепительный мрак.
Лишь полюбим всей волей великую радость молчания.

1907.

ВЕСТЬ

I

Откуда нам ветер приносит
Протяжные песни неволи,
Глухие напевы о мраке,
Холодный, мерцающий страх?

Как тень, налетит он—и бросит
Томления тягостной боли,
И лягут невнятные знаки
На солнечно-нежных песках...

II

То голос, уж слышанный где то,
То весть о нерадостных странах...
Мы—только на острове света
В безлунно-пустых океанах...

Мы бродим вдоль шумных становищ,
Средь наших священных гробниц,
Невольники тусклых сокровищ,
Невольники ветхих границ.

Подобный цветным арабескам,
Сады наших встреч и разлук
Замкнул усыпительным блеском
Певучий и пламенный круг.

Наш дух сновидениям предан,
Созвучиям солнц и ночей,
И каждый восторг переведан
Под ласковой сенью лучей...

Но ты, завершитель столетий,
Уставший от тления славы,
Порви эти пышные сети,
Ты, мудрый, ты, сильный, ты, правый!

Пройди до последней печали
И все, чему верил, отринь:
Увидишь бескрайные дали,
Услышишь безмолвье пустынь.

И, где то, безвестные реки,
Ползущие в мертвых горах,—
Тоска о неначатом веке,
Во мгле шевелящийся страх.

Страна, недоступная взорам,
Времен неродившихся ход
К далеким, жестоким просторам,
К мерцаньям неведомых вод...

И к жизни вернувшийся снова,
К давно сотворенным кумирам,
Ты станешь, как вестник иного,
Как черное солнце, над миром.

1908.

МГНОВЕННЫЙ ПЛАМЕНЬ

Один над дышащею бездною,
Над морем плещущих времен,
Чьей непокорностью железною
Мой дух отверженный зажжен?

Мгновенный пламень над обрывами,
Он есть, он рвется, он живет,
Колеблясь вольными извивами,
Как непорочный цвет высот.

В безумстве боли ослепительной,
Звенящей в яростной крови,
Его порыв—восторг мучительный
Себя сжигающей любви.

В пустынях мрака онемелого,
Быть может, жертвенно горя,
Он—чей то окрик, вызов смелого
Величью темного царя!

1908.

ОКЛИК

В. Н. Юреневу

Мы идем в бору темнеющем,
Веря звукам вечереющим.
Дремный час
Все сковал.
Над затерянной поляной
Тишина зари багряной.

Вдалеке, в трущобе дебряной,
Звон трубы пропел серебряной.
Словно нас
Кто то звал...
Будут жить в судьбе счастливой
Дальней вести переливы.

1907

ТИХИМ ЛУЧАМ

Вечер взошел для меня,
Вечер сгоревшего дня,
Словно вознесся над пеплом мгновений
Легкий, серебряный дым песнопений,
Словно над миром возник
Сердцу приснившийся миг.

Слышу твой призрачный зов,
Арфа моих вечеров,
Призрачный зов на пути одиноком,
Песни о солнце, ушедшем, далеком,
Странной и страстной судьбой
Веющий струн перебой.

Медленно меркнущий свет,
Верю в твой тихий обет,
Верю тебе, в позолоте и в черни,
Отсвет, далекий, зари невечерней.
Тихим лучам отдаю
Темную душу мою.

908.

В СИНИЙ ВЕЧЕР

Вечер был прозрачно-синим
Над садами, над огнями,
Небеса—глубоким морем,
Неколебленым ветрами.

Мачты древнего фрегата—
Плыли иглы темных башен.
Их полет в пустынном мире
Был изведан, был нестрашен.

И корабль тяжело-стройный,
К цели правимый не нами,
Уходил к широтам ночи
Освеженными морями.

Но таким хрустально-хрупким,
Всех нежней и всех безгрешней,
Длился этот вечер синий,
Этот синий вечер вешний,

Словно нас любили волны
Красоты невозвратимой,
Словно остров близкий где то
Был желанный и незримый,

Словно с чашей светлой смерти
Божий ангел к миру вышел,—
И никто не понял счастья,
Вести пламенной не слышал.

1909.

В ЛЕГКИХ СТРАНАХ

В легких странах, над землей,
Есть творец, никем неведомый,
Опьяненный лишь собой,
Лишь безвестными победами.

Он над миром, в вечерах,
Грезя золотом и чернию,
Строит храмы на горах,
Созидает высь вечернюю.

Он—в печали—облака
Шлет ладьями невозвратными,
Чья отчизна далека
За морями благодатными.

Он швыряет глыбы туч,
Красных светов плавит полосы,
Оттого что он—могуч,
У него—как ветер, волосы.

Вольный труженик небес
Дышит жизнью, нам безвестною.
Нам лишь тень его чудес
Светит радугой небесною.

1911.

НОЧЬ

Всю ночь, раскинут надо мной,
Костер пылает звездный,
И—мраку мрак—мой дух земной
Алмазной вторит бездной.

И он, и я—один творец,
Столпов горящих зодчий,
И с сыном речь ведет отец,
И сын во славе отчей.

Но меркнет пир ночных судеб,
Коснеет голос звавший,
И я опять убог и слеп,
Презренный и отпавший.

1912.

Есть в мире музыка безветреных высот,
Есть лютня вещая над сумраком унывным.
Тот опален судьбой, кого настиг черед,
Когда она гудит и ропщет в вихре дивном.

Не ветхим воздухом тревожима она,
Но духом вечности, несущимся в просторе.
Доверься тишине, она одна звучна,
Мечтатель, человек, уставший слушать море!

1913.

ДАЯТЕЛЮ СВЕТА

К зеленой неге, к пламенным пустыням,
К алмазной смерти ледяных полей
Меня звала по кругозорам синим
Усталая надежда кораблей.

Уже давно все ветры прозвучали,
Все струны лютни бурно-золотой,—
И нет конца сияющей печали,
И тени нет спаленному мечтой.

Лишь из ночей, раскрывшихся и белых,
Раз'явших сумрак звездного шатра,
Светлеет весть о снившихся пределах,
О царственных пространствах серебра.

Тогда твой взор я вижу дивным взором,
К твоим лучам открыт крылатый путь—
Над временем, над солнечным позором
В безмерности холодной потонуть!

К тебе мой дух плывет в морях молчанья,
Во мне—покой твоих высоких сфер,
Меня ты любишь, властелин познанья,
Даятель света, светлый, Люцифер!

1910.

ПЕСНЬ СМЕРТИ

Это — старинная весть,
Верному—в битве копье:
Было, и будет, и есть
Только сиянье твое.

Помысла радостней нет,
Он—адамантовый щит:
Смерть! Ослепительный свет!
Всюду твой отблеск разлит!

Знаю, он верного ждет,
Дышит и блещет во всем—
В веянье синих высот,
В этом луче золотом.

В ветхую грань берегов
Пламенем бьющий прибой,
Слышу все ближе твой зов,
Гул утоляющий твой!

Нет упоенней пути,
Радостный жребий мне дан—
Верной волною итти
В твой молодой океан!

1913.

КРАЙ ВЕЛИКАНОВ

Мне грезится край великанов,
Широко ползущие склоны,
Ветрами любимые рощи
И грохот несущихся рек,—
На грани начальных туманов,
Развеянных в светлом просторе,
К неведомой жизни зажженный,
Огромно раскинутый век.
О первые, древние зори!
О, пир нерасплесканной мощи!

В сиянии юного света,
В творящем, стремящемся чуде,
Струился хмелящий напиток
В зеленые чаши долин,
И помнили голос завета
Рожденные недрами люди,
И были их думы согласны
С могучею волей глубин,
И мир был единый и ясный,
Как тяжкий, сверкающий слиток!

Под небом, сомкнувшим высоко
Свои голубые чертоги,
О, утро возникшей планеты,
О, первые горы вдали!
Еще не родились и боги,
И не было темного рока,
Лишь в девственном блеске эфира—
Восторг изумрудной земли,
Как кубок, высоко воздетый
Во славу свободного пира!

1907.

ВЕЧЕРА

I

Над пеплами дворцов и над рекой неволи,
Где милый свет давно угас,
Ты снова мне блеснул, изведанный до боли
Неодолимый сердцем час!
Как будто пронеслась над сводами печалей
Труба архангела пустых и диких далей.

В разрыве облаков, в бездонности мгновенной,
Призывной славою горя,
Открылось золото и тишина вселенной,
Спокойной вечности моря,
И в необ'ятный миг замершим сердцем понят
Торжественный простор, в котором солнце тонет...

II

Былые вечера над городом неволи
Глухими пеплами легли,
И сладко потускнел клинок блеснувшей боли,
И только изредка, вдали,
Протяжный клич сирен, тоску в пространства кинув,
Вставал, как жалоба ослепших исполинов.

Тугие голоса нечеловечьей грусти,
Незрячих впадин красный бред!
Им снилось празднество в освобожденном устье,
Им снилось, что им виден свет,
Что там, за молами, за дымом мачт и кранов,
Раскрыты в пурпуре ворота океанов!

1907.

ПЕТЕРБУРГ

I

Здесь утра трудны и туманны,
И все во льду, и все молчит.
Но свет торжественный и бранный
В тревожном воздухе сквозит.

Но сердце знает: в доле знойной,
В далеком, новом бытии
Мы будем помнить, город стройный,
Виденья вещие твои

И нам светивший, в жизни бедной,
Как память ветхая слепцов,
В небесном дыме факел бледный
Над смутным берегом дворцов

1912.

II

Как в призванных сердцах—провиденье судьбы,
Есть в вечных городах просветы роковые,—
Костры далекие, скрижали огневые,
Над дымом времени нетленные гербы.

Ты в ветре рвущемся встречаешь лет столетий,
Мой город, властелин неукротимых вод,
Фрегатом радостным отплывший на рассвете
В моря без имени, в пустынный переход.

И, мертвый, у руля, твой кормчий неуклонный,
Пронизан счастием чудовищного сна,
Ведя свой верный путь, в дали окровавленной
Читает знаменья и видит письмена.

22· IX. 1913.

IV

Он в юности меня томил
То ветра медленным порывом,
То вдалеке встававшим дивом
Окаменелых, белых крыл.

Он был прекрасней красоты
И смерти горестной блаженней,
Когда губил мой взор весенний
Лучами белой слепоты.

Как память воздуха родного,
В моей царил он тишине,
Как губы мучившее мне
Невспоминаемое слово,

Что знал я там, где вечен строгий
И мертвый блеск и где легли
Среди безжалостной земли
Окаменелые дороги.

1912.

Я люблю в лесах забытые просеки,
Их всегда далекий, уходящий свет.
То печали отсвет, что умолк навеки,
Отсвет золотой непоправимых лет.
Да, я помню, помню, ясные просеки,
Это было где то, это старый след.

Я дрожу, увидев поворот случайный,
Поворот дороги в тишине холмов,
Весь дрожу, почуяв близость вечной тайны
И страшась свершенья несвершимых снов,
И ступить не смею за порог случайный,
Шелохнуть не смею дремлющий покров.

И тебя люблю я, в море мыс далекий,
Синие глубины режущий алмаз.
За тобою шире кругозор широкий,
За тобой просторы, новые для нас.
Ты навстречу вышел, светлый мыс, далекий,
Ты увидишь первым лучезарный час!

1907.

НЕВОЗВРАТИМОЕ

Мне нет раскаяния жгучей,
Воспоминанья нет светлей,
Чем эти траурные тучи,
Чем этот путь, в волнах полей.

Я с той поры изведал много
Скитаний страстных по земле,
Но все жива одна дорога,
Куда то, в сумеречной мгле.

И все зовут тоской напрасной,
Как в детстве слышанный напев,
Виденья выплывших неясно
И прошумевших мне дерев.

Они прошли, как тень святыни,
Невозвратимой чередой,
Как в старину волхвы пустыни
За им приснившейся звездой.

1908.

ОТВЕРЖЕННЫЕ

Мы—иссыхающий ручей,
В кольце времен, в пустынном зное.
Над нами блеск твоих бичей,
О, солнце мертвое, сухое!

И наша кровь мертва, глуха,
Она горька, как сок полыни.
Мы—нерасцветший сев греха
В кровавых маревах пустыни.

И без ответа древний клич,
За что неправедное мщенье,
За что метет нас Божий бич
Из поколенья в поколенье!

Но что то, словно горных вод
Нежданный отзвук, отблеск дальний,
В сердцах замученных поет
Все невозвратней, все печальней,

Но что то помнится подчас
—Цветок равнин испепеленных!—
В бесслезной муке милых глаз
Да в облаках, вдали зажженных.

1908.

Я видел пламя вечных скал
И беззакатный вечер славы,
Как будто к вечности кровавой
Столетий каменный хорал.

Нам всем однажды суждено
В иную даль взглянуть из жизни,
И будет скорбью по отчизне
Земное сердце зажжено.

Над облаками мертвых дней,
Над мировым, ослепшим боем,
Она зовет немым покоем
За гранью солнечных морей.

Я затаил любовь одну—
Уснуть в кровавый час заката
И в смерти помнить, как когда то
Я видел горнюю страну.

1908.

В ТУМАНЕ

Терялись луг и небеса
Во влажной мгле и убеленной.
Я слышал женщин голоса,
Слабеющие удаленно.

Все было чувству моему
Так недосказанно-знакомо,
Как будто я сейчас пойму,
Что было раньше, где то дома,

Что этой млечностью тепла
В мое лицо давно дышало,
Как будто память назвала
Свое предвечное начало.

И было все со всех сторон
Успокоительно-незвонко,
Как слабый и счастливый сон
Проплакавшего ночь ребенка.

1910.

Так властно ждет и светит,
Так близко огонь говорит,
Но сердце счастья не встретит
И грезит, и молчит.

И уходит, в томленье отлива,
К свеченьям иной весны.
Все помнит унылые дива
В болотах своей страны.

1911.

ЗЕЛЕНЫЙ ЛУЧ

Усталой памяти, в седой волне
Глубин прощальных медленно уснувшей,
Ты был—как весть о снившейся весне,
Зеленый луч, изменчиво мелькнувший!

Забытый цвет, качнувшийся намек
Пропел в душе безгрешным перезвоном.
Я снова жил, я снова был далек,
Я нисходил по благодатным склонам.

Вся жизнь моя была опять жива,
Как миг живут алмазным раем льдины.
И целый день мне грезилась листва,
Мне грезились зеленые долины.

1910.

ПЧЕЛЫ

Я сегодня целый день
Слышал голос пчел незримых,
Точно пламенную сень
Кружев, зноем шевелимых.

Дивный разуму глагол
Я прочел по их извоям,
Опьяненный зноем пчел,
Золотым и мудрым роем.

Он кружил, и стлался в тень,
И опять гудел, червонный,
Чтоб отрада целый день
Тлела в памяти влюбленной...

Много слов и песен есть
Для сердец, лучам послушных.
Им слышна о дальнем весть,
Тишина лугов воздушных.

1910.

НЕ ЗАБЫВШАЯ

Анне Ахматовой

Еще свою я помню колыбель,
И ласково земное новоселье,
И тихих песен мимолетный хмель,
И жизни милой беглое веселье.

Я отдаюсь, как кроткому лучу,
Неярким дням моей страны родимой.
Я знаю—есть покой, и я хочу
Тебя любить и быть тобой любимой.

Но в душном сердце—дивно и темно,
И ужас в нем, и скорбь, и песнопенье,
И на губах, как темное пятно,
Холодных губ горит напечатленье,

И слух прибоем и стенаньем полн,
Как будто вновь, еще взглянуть не смея,
Я уношу от безутешных волн
Замученную голову Орфея.

1912.

ОЗЕРА

Только закроешь глаза—
Будешь в знакомой дали.
Бархатом ляжет гроза,
Гнев отошедшей земли.

Станет так веще ясна,
Там, за безмолвием гор,
Нимбов зеркальных страна,
Вечная область озер.

Кто полюбил этих вод
Лунно-серебряный шелк,
Тот для земли не живет,
Тот, озаренный, умолк.

Словно к большому окну
Светлой он тенью приник.
Слышит он песню одну
В каждый стремящийся миг.

Видит он в душах людей,
Сквозь красоту и позор,
Тени воздушных полей,
Отсвет далеких озер.

1910.

НИЗВЕРЖЕННЫЙ

Времени теченье, волны чуждых теней,
Смена жизни жизнью, повторенье дней...
О, мой взгляд зеркальный, озеро мучений,
О, бессонный ужас памяти моей!

Ангелы простерли пологи разлуки,
Багряница солнца меркнет на горах.
Это снова вечер, отсвет древней муки,
Это снова вечер, как и в тех мирах.

Не омоет сумрак темной влагой очи,
Все, как дым старинный, все, как дым, скользит.
За далекой далью, за прибоем ночи
Океан воздушный дышит и горит.

Да, я вечно проклят, сброшенный во время,
Негасим и вечен мой распятый взгляд.
Но с креста не звал он, радостное племя,
Вашей легкой смерти благодатный яд.

Кто другое помнит, тот земли не примет,
Тот распятье гордых примет до конца
И к былой свободе пленный взор поднимет,
Не закрыв крылами своего лица.

1910.

В ТЕСНИНАХ

Под этим небом беспощадным,
Где свет, и смерть, и чистота,
Мы любим слушать, в сне отрадном,
Легенды Зверя и Креста.

Мы любим дни, и их теснины,
И опьянительный их гул,
Где нас Незримый от пучины
Кольцом волшебным обомкнул.

Мы любим кровь, огни и тени,
И мысль, и камни, и тела,
И наша жизнь—костру творений
Неугасимая хвала.

И только больше сил и гнева,
Когда, вплетаясь в медный гром,
Нас посещают два напева
О позабытом, о родном.

Когда с вершин померкших башен
Поет о таяньe времен,
Очарователен и страшен,
Нерукотворный перезвон.

И тот, другой, напев далекий,
Глухая, тайная гроза,
Когда мы взглянем, в миг жестокий,
Друг другу в темные глаза.

1913.

Остановив коня, я буду говорить
О древнем золоте, о первобытном чуде,
И посмеются мне отвыкшие любить,
От рода своего отрекшиеся люди.

Мой меч тоскующий я вынесу в простор,
И ветер окружит мой шлем ширококрылый.
Как гулок звон копыт на твердом сердце гор,
На каменном костре неутоленной силы!

И уходя в поля богатой кровью тьмы,
К курганам полночи, давно забытым Богом,
На встречном пиршестве сверкающей зимы
Холодный, вьюжный мед я выпью полным рогом.

1910.

V

То был последний год. Как чаша в сердце храма,
Чеканный, он вместил всю мудрость и любовь,—
Как чаша в страшный миг, когда вино есть кровь,
И клир безмолвствует, и луч нисходит прямо.

Я к жертве наклонил спокойные уста,
Чтоб влить бессмертие в пречистый холод плоти,
Чтоб упокоить взор в светящейся дремоте.
И чуда не было. И встала темнота.

Но легким запахом той огненной волны
Больные, тихие уста напоены.
Блаженный и слепой, в обугленном молчанье,
Пока не хлынет смерть, я пью свое дыханье.

1914.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОГЛАВЛЕНИЕ

I

II

III

IV

V
